

ИЗЪ ЛЬВОВСКАГО АРХИВА КНЯЗЯ САПЪГИ.

Въ Львовѣ, докторомъ А. Прохаско, напечатанъ 1-й томъ Архива Льва Сапѣги, о чемъ г. Пташицкимъ было сдѣлано сообщеніе въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*) гдѣ г. Пташицкій привелъ, въ извлеченіи, и нѣсколько болѣе интересныхъ писемъ.

Въ виду несомнѣнной содержательности этихъ писемъ, я помѣщаю ихъ здѣсь полностью, предпославъ краткій ихъ перечень. Всѣхъ такихъ писемъ девять.

Первое, отъ 6 Октября 1597 г., Андрея Сапѣги къ Христофору Радзивиллу, въ которомъ Левъ Сапѣга доноситъ о посольствѣ въ Москву. Во второмъ письмѣ тотъ-же Сапѣга доноситъ Радзивиллу о смерти царя Θεодора Ивановича и о предполагаемыхъ кандидатахъ на царскій престолъ. Третье письмо, болѣе интересное, совпадаетъ съ донесеніемъ одного шпіона, напечатаннымъ у г. Пташицкаго. Въ этомъ донесеніи Польскій шпіонъ, между прочимъ, говоритъ, что послѣ смерти царя Годуновъ имѣлъ при себѣ друга, очень похожаго на царевича Димитрія; отъ имени этого Лжедимитрія было написано письмо въ Смоленскъ, что онъ уже сдѣлался царемъ. Въ Москвѣ стали удивляться, откуда онъ появился и подумали, что его до времени припрятавали. Когда этотъ слухъ дошелъ до бояръ, они стали другъ друга спрашивать. Нагой сказалъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ; Михайло Битяговскій на пыткѣ сказалъ, что онъ убилъ царевича по приказу Годунова и что Годуновъ хотѣлъ своего друга, похожаго на Димитрія, выдать за послѣдняго и чтобы его избрали царемъ, если не хотятъ его, Годунова. Въ другомъ письмѣ Андрея Сапѣги къ Радзивиллу, между прочимъ, упоминается, что по смерти царя Θεодора Годуновъ держалъ при себѣ побочнаго сына Грознаго, родившагося отъ Пятигорки, во всемъ похожаго на убитаго царевича Димитрія. На основаніи этихъ, хотя бы и несовсѣмъ точныхъ, показаній невольно предполагается, что не у одного Годунова могли быть на воспитаніи такія дѣти женолюбиваго Грознаго, и вѣдь можно допустить, что такой ребенокъ, воспитанный у боярина, какъ царскій сынъ и знавшій про свое происхожденіе, могъ легко сыграть роль и ца-

*) Часть ССLXXXV, стр. 194.

ревича, и царя. Всѣ бумаги и документы о Димитріи были энергично истребляемы и патріархомъ Филаретомъ, и его потомками, такъ что, по словамъ о. Пирлинга, личность Димитрія и по сіе время подобна „Желѣзной Маскѣ“.

4-е и 5-е письма Андрея Сапѣги къ Радзивиллу касаются безпорядковъ въ Москвѣ и пораженія Годунова подъ Окою.

6-е письмо Льва Сапѣги къ Яну Замойскому съ извѣщеніемъ изъ Москвы о коронованіи Бориса Годунова, при чемъ Сапѣга проситъ сообщить новости о королѣ и о Венгерскихъ дѣлахъ.

Въ 7 и 8-мъ письмахъ Левъ Сапѣга сообщаетъ Замойскому о слухахъ изъ Москвы, о полученномъ имъ приказѣ ѣхать въ Лифляндію въ комиссію. Затѣмъ онъ поминаетъ по поводу письма къ Москосковскимъ боярамъ объ арестѣ ѣдущихъ изъ Москвы купцовъ, которыхъ, вслѣдствіе угрозъ изъ Москвы, Сапѣга совѣтуетъ освободить.

9-е письмо къ канцлеру Льву Сапѣгѣ изъ Москвы отъ 8 Іюля 1606 г. Мартына, Андрея и Петра Стадницкихъ, въ которомъ они просятъ Сапѣгу хлопотать за нихъ, чтобы имъ поскорѣе можно было освободиться изъ плѣна, при чемъ доносятъ подробно объ убійствѣ Димитрія. Андрей Стадницкій былъ гофмейстеромъ царицы Марины. Вмѣстѣ съ другими плѣнниками, томившимися на Бѣлоозерѣ, онъ былъ освобожденъ лишь въ Январѣ 1609 года. Объ этомъ освобожденіи довольно подробно занесъ въ свой дневникъ Станиславъ Немоевскій, раздѣлявшій съ Стадницкимъ печальную участь въ Русскомъ плѣну¹⁾.

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1910, Февраля 1.

І. Левъ Сапѣга къ Христофору Радзивиллу.

Ваше сіятельство!

Униженно благодарю васъ за то, что вы изволили переслать мнѣ свое письмо черезъ Трейданскаго старосту²⁾. Молю Господа Бога, чтобы Онъ даровалъ вамъ долгую жизнь, исполненную радостнаго изобилія. Новаго ничего за это время не могу сообщить вамъ. Остаюсь преданный слуга вашего сіятельства. Въ Слонимѣ, 6 Октября 1597 г.

У меня есть нѣсколько писемъ отъ Двора, гдѣ утверждаютъ, что императорскій посолъ уже проѣхалъ черезъ Лифляндію, но оказалось совсѣмъ не то. Бываетъ, что и при Дворѣ получаютъ невѣрныя извѣстія, однако я знаю, что е. в. король ждалъ отъ вашего сіятельства болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній. Но говорятъ также, будто этотъ

¹⁾ Записки Станислава Немоевскаго изданы, подъ моею редакціей, въ 1907 г.. въ описаніи рукописей И. А. Вахромѣева, т. VI.

²⁾ Петра Стабровскаго.

посоль жаловался Московскому князю на нашего короля *in eum sensum*, что король Польскій Сигизмундъ хотя братается съ нами и породнился, а все же съ язычниками дѣйствуетъ противъ насъ и Татаръ на насъ пропускаетъ (вѣроятно и это присочинилъ); надо бы ему за это отмстить. Вотъ я только не знаю, было ли это или не было.

Остаюсь преданный слуга и признательный зять вашего сѣятельства Л. Сапѣга. 6 Октября 1597 г.

*

II. Андрей Сапѣга къ Христофору Радзивиллу.

Ваше сѣятельство!

Нижайшій слуга вашъ шлетъ вамъ привѣтъ. Какъ я уже раньше сообщилъ вашему сѣятельству о смерти великаго князя Московскаго¹⁾, такъ и теперь сообщаю, что онъ точно умеръ 20-го Января. Говорятъ, что погребеніе уже состоялось и что Москва очень скорбитъ о немъ.

Про избраніе великаго князя²⁾ еще ничего особеннаго не слышно, но выборы ожидаются въ Сборное Воскресенье; ибо у нихъ какъ при жизни великаго князя, такъ и послѣ смерти его, выборные сеймы происходятъ въ это Сборное Воскресенье, всегда послѣ первой недѣли поста по ихъ старому календарю, а это Сборное Воскресенье совпадаетъ по нашему календарю со днемъ 16 Марта. Также сообщаю вашему сѣятельству, что шпіоны, которыхъ я выслалъ за границу, доложили мнѣ, что четверо претендуютъ на великокняжескій престолъ: Годуновъ, о которомъ говорятъ, что онъ очень боленъ; второй Мстиславскій, который, говорятъ, занималъ въ совѣтѣ первое мѣсто послѣ великаго князя; третій Ѳедоръ Романовичъ Никитичъ, о которомъ говорятъ, что онъ родной дядя по матери покойнаго великаго князя; и четвертый Бѣльскій, о которомъ говорятъ, что покойный великій князь гнѣвался на него по той причинѣ, что онъ хотѣлъ быть великимъ княземъ, не смотря на онаго собственнаго потомка. Великій князь запретилъ ему появляться къ нему на глаза до самой смерти. Эоть-то Бѣльскій, вѣроятно, услыхавъ теперь о смерти великаго князя, пріѣхалъ въ Москву со множествомъ народа, желая стать великимъ княземъ. Поэтому Москва полагаетъ и люди поговариваютъ между собою, что по поводу выборовъ великаго князя будетъ жестокое кровопролитіе, если не окажется милость Божія и не будетъ общаго согласія всего ихъ государства; а между этими четырьмя больше всего сторонниковъ считаютъ за Ѳедоромъ Романовичемъ Никитичемъ, какъ родственникомъ великаго князя.

1) Ѳедора Ивановича.

2) Поляки звали тогда нашихъ государей великими князьями, а не царями.

Въ Москвѣ тревога велика: боятся его величества короля. На границахъ вездѣ стража по погостамъ и дорогамъ, даже по тропинкамъ. Больше всего опасаются, чтобы кто нибудь изъ Москвы не проѣхалъ къ его величеству; купцовъ изъ владѣній его величества ни изъ Москвы, ни въ Москву не пускаютъ, только изъ Смоленска въ Оршу или изъ Орши въ Смоленскъ. Въ Смоленскій замокъ съ великою поспѣшностью свозятъ матеріалъ, то есть камни, кирпичъ, песокъ; уже выстроили на двѣ сажени отъ земли стѣну отъ Днѣпра при переѣздѣ изъ владѣній его величества. Стѣна шириною въ 4 сажени очень крѣпкая*). Не премину сообщить вашему сіятельству о томъ, что случится новаго. Затѣмъ вторично свидѣтельствую вашему сіятельству свое нижайшее почтеніе. † Февраля 1598 г. Андрей Сапѣга.

*

III. Андрей Сапѣга къ Христофору Радзивиллу.

Ваше сіятельство!

Уже я снарядилъ было со своимъ письмомъ гонца къ его величеству и къ вашему сіятельству съ тѣми новостями, которыя узналъ, т. е. что будто бы они между собой умертвили Годунова, а великимъ княземъ избрали Ѳедора Романовича Никитича, какъ тутъ вернулся шпіонъ, котораго я посылаю за границу. Тотъ доложилъ мнѣ слѣдующее.

Когда Годуновъ увидѣлъ, что великій князь Московскій не можетъ быть живъ, онъ пришелъ къ нему (при этомъ была и сама княгиня и Ѳедоръ Романовичъ) и сталъ его съ плачемъ спрашивать и просить, чтобы онъ объявилъ, кого считаетъ достойнымъ избранія послѣ своей смерти на великокняжескій столъ, надѣясь, что онъ укажетъ на него; на что тотъ отвѣтилъ ему: „ты не можешь быть великимъ княземъ, развѣ только если тебя выберутъ по общему соглашенію, но сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали по той причинѣ, что ты приходишь отъ подлаго народа“. Но онъ указалъ на Ѳедора Романовича, предполагая, что скорѣе выберутъ его. А такъ какъ великая Московская княгиня говорятъ, беременна, то если у нея родится сынъ, велѣлъ, чтобы знатнѣйшіе воеводы воспитывали его подъ присягой, а пока сынъ возмужаетъ, чтобы тотъ же Ѳедоръ Романовичъ былъ правителемъ, а Ѳедора Романовича будто бы увѣщевалъ, если его выберутъ великимъ княземъ.

*) Самъ Годуновъ, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, ѣздилъ въ Смоленскъ и когда онъ укрѣплялся, назвалъ его ожерельемъ Россіи; а князь Ѳ. М. Трубецкой по этому поводу сказалъ: „Какъ въ томъ ожерельѣ заведутся вши, и ихъ будетъ не выжить“ (Исторія Россіи, С. М. Соловьева, II, 638). Припомнимъ, Орша была въ то время въ Польско-Литовскомъ владѣніи. П. Б.

чтобы онъ не оставлялъ Годунова и постоянно держалъ бы его при себѣ, какъ и онъ, и безъ его совѣта ничего не дѣлалъ, убѣждая его, что Годуновъ умнѣе.

Послѣ смерти великаго князя Годуновъ будто бы держалъ при себѣ своего друга, во всемъ очень похожаго на покойнаго князя Дмитрія, брата великаго князя Московскаго. Этотъ другъ родился отъ Пятигорки, которой давно нѣтъ въ живыхъ. Годуновъ написалъ письмо отъ имени этого князя Дмитрія въ Смоленскъ, что онъ уже сталъ великимъ княземъ. Москва стала удивляться, откуда онъ взялся; однако они догадались, что его до сихъ поръ скрывали. Пока это донесли думнымъ воеводамъ и боярамъ, они тотчасъ же стали промежь себя разспрашивать. И сказалъ одинъ бояринъ и воевода, нѣкто Нагой, что князя Дмитрія нѣтъ въ живыхъ, и что сосѣдъ его, цивунь *) Астраханскій, Михайло Битяговскій знаетъ объ этомъ. За нимъ тотчасъ же вскачь послали; какъ только онъ пріѣхалъ, его посадили на испытаніе, чтобы онъ сказалъ, живъ ли князь Дмитрій или нѣтъ. Онъ, будучи на испытаніи, признался, что самъ умертвилъ его по порученію Годунова, а Годуновъ хотѣлъ выдать за князя Дмитрія своего друга, похожаго на него. А такъ какъ его самого не хотятъ избрать въ великіе князья, то того избрали бы великимъ княземъ, а того цивуня Астраханскаго велѣли четвертовать, и Годунова стали упрекать, что онъ измѣнникъ своимъ государямъ, князя Дмитрія измѣннически убилъ, а онъ теперь необходимъ, и великаго князя отравилъ, желая самому стать великимъ княземъ, а въ этомъ замѣшательствѣ и придиркахъ князь Ѳедоръ Романовичъ подбѣжалъ къ Годунову съ ножомъ, желая его убить, но остальные удержали его.

О Годуновѣ говорятъ, что онъ послѣ этого замѣшательства въ совѣтъ не бываетъ вмѣстѣ съ другими, а у него есть свой дворъ въ томъ же дворцѣ Кремлѣ, куда съѣзжаются на совѣтъ. Въ этомъ же своемъ дворѣ онъ соблюдаетъ большія предосторожности вмѣстѣ со своими приверженцами. Шуйскій, будучи шуриномъ Годунова, миритъ его съ остальными, убѣждая ихъ, чтобы они безъ него ничего не дѣлали и великаго князя не избирали. Они дѣйствительно соглашаются и думаютъ скоро избрать великаго князя, но ни на кого не указываютъ, только на князя Ѳедора Романовича. Всѣ воеводы и думные бояре согласны избрать его, ибо онъ родственникъ великаго князя. За Годунова же стоятъ меньшіе бояре, стрѣльцы, ибо онъ хорошо платилъ

---

*) Земскій начальникъ. Польское слово „Цивунь“ тоже что старинное наше „тивунь“. П. Б.

имъ, и чернь; но имъ лишь то мѣшаетъ, что онъ происходитъ отъ подлаго народа. Поэтому говорятъ, будто бы великій князь передъ смертью сказалъ: если они не могутъ единогласно избрать великаго князя, то, избравъ двоихъ или троихъ выборныхъ, пусть пошлютъ къ его величеству христіанскому императору, а кого онъ укажетъ, пусть они того и изберутъ государемъ. Иные что-то шепчутъ объ эрцгерцогѣ Максимилианѣ; одинъ бояринъ при этомъ шпіонѣ говорилъ, что гонца хотятъ посылать къ его величеству императору, только опасаются, что его величество король не пропуститъ его черезъ свои владѣнія. Моремъ бы кругомъ давно послали, да зимой трудно проѣхать.

Доношу также в. с-ву, что въ Смоленскъ пріѣхали на этой недѣли четыре воеводы и съ ними немного народу: старшій воевода и намѣстникъ Смоленскій князь Тимоѣей Романовичъ Трубецкой, а остальные при немъ: князь Михайло Самсоновичъ, Туренинъ и два брата, князь Василій и князь Андрей Звенигородскіе; теперь всѣхъ воеводъ шесть. Прежде старшимъ былъ Василій Васильевичъ Голицынъ, а теперь на его мѣсто старшимъ Трубецкой. А Голицына назначили, какъ они по-своему называютъ, выѣзднымъ воеводою, каковой выѣзжаетъ изъ замка на встрѣчу непріятелю. Говорятъ, что этотъ Голицынъ каждую ночь, какъ только начнетъ смеркаться, съ тремя сотнями всадниковъ ѣздитъ сторожить отъ Смоленска на разстояніи четырехъ миль на урочище надъ рѣкой Ухиной, а на зарѣ выѣзжаетъ въ замокъ, оставивъ на стражѣ нѣсколько десятковъ всадниковъ. Трубецкой завѣдуетъ всѣмъ въ замкѣ; остальные трое, лишь только начнетъ смеркаться, верхомъ объѣзжаютъ замокъ спрашивая: „есть ли пріѣзжій народъ и стрѣльцы?“ Тогда ему другой отвѣчаетъ: „есть“. Казаковъ ѣздитъ семьсотъ съ этими воеводами по замку, стрѣльцовъ съ зажженными фитилями три тысячи, всѣ они каждую ночь не засыпаютъ ни на мгновенье; одни въ замкѣ, другіе возлѣ замка ходятъ, опасаясь вторженія со стороны владѣній его королевскаго величества, и также усердно соблюдая, чтобы ни одно значительное лицо не проѣхало отъ нихъ къ его величеству королю. Бояръ тоже немало есть; имъ приказано разѣзжать по мѣстечкамъ, монастырямъ и селамъ и переписывать чернецовъ, поповъ и простолюдиновъ, чтобы, когда великій князь будетъ избранъ, каждаго привлечь къ присягѣ въ своемъ приходѣ, за приставомъ, новому великому князю.

Я посылаю также своего слугу съ письмомъ къ Смоленскому воеводѣ, желая узнать что-либо достовѣрное и по письму догадаться, отъ чьего имени онъ будетъ писать, отъ имени ли покойнаго великаго князя или же отъ имени новоизбраннаго; но онъ на мое письмо ничего

не отвѣчалъ, а моего гонца и лошадей не накормили. По этому я догадываюсь, что великаго князя еще не избрали; тотъ умеръ, а новаго еще не избрали, и онъ ни отъ чьего имени не могъ написать. По тому еще догадываюсь, что великаго князя еще не избрали, что за обѣднями въ церквахъ не молятся за великаго князя, а только за великую княгиню, царицу и сына, но я опять пошлю шпиона.*)

Какъ я уже раньше сообщалъ его величеству королю и вашему сіятельству, такъ и теперь сообщаю, что матеріалъ съ большой поспѣшностью привозятъ въ замокъ, такъ что на улицахъ нельзя пройти; на поляхъ вырываютъ большіе и малые камни. Еще говорятъ, что Татары нѣсколько тысячъ воевъ бѣлаго тесанаго камня привезли въ Смоленскій замокъ, и еще ожидаютъ больше его. Воеводы ждутъ еще больше народа. Нашихъ купцовъ дальше изъ Смоленска не пускаютъ; а тѣхъ изъ нашихъ купцовъ, чтѣ въ самой Москвѣ, которыхъ застала тамъ смерть великаго князя, тѣхъ держатъ въ гостинномъ домѣ подъ сильной стражей и охраной и, говорятъ, выпустятъ ихъ только тогда, когда изберутъ великаго князя. Затѣмъ вторично свидѣтельствую и пр. Въ Оршѣ, 15 Февраля 1598 г. Нижайшій слуга вашего сіятельства Андрей Сапѣга, Оршанскій староста, собственноручно.

(Приписка). Когда я уже написалъ это письмо къ вашему сіятельству, пріѣхалъ Москвичъ, купецъ изъ Смоленска. Я напоилъ его, одарилъ и велѣлъ спросить, чтѣ у нихъ тамъ происходило. Онъ почти во всемъ говорилъ согласно съ моимъ шпиономъ: что замѣшательство было между ними, но Годуновъ живъ; великаго князя, тоже говорить, еще не избрали; надѣются, что выберутъ его на сороковины, т. е. на сороковой день послѣ смерти великаго князя, и утверждаетъ, что Годуновъ великаго князя отравилъ, желая самъ стать великимъ княземъ; Говоритъ также, что на его сторонѣ нѣкоторые думные бояре и воеводы, а стрѣльцы всѣ за него стоятъ и чернь почти вся. За Федора Романовича Никитича стоитъ уже большая часть воеводъ и думныхъ бояръ. О великой княгинѣ Московской этотъ Москвичъ говорить, что она не беременна, ибо на четвертый день по смерти великаго князя постриглась въ дѣвичій монастырь; если бѣ она была беременна, то въ монастырь ей можно было бы уйти только послѣ родовъ. И шпионъ мой тоже двояко слышалъ: одни говорятъ беременна, другіе—нѣтъ. Онъ увѣряетъ, что похороны великаго князя еще не состоялись, а состоится только, когда выйдутъ эти сороковины. А чтѣ будетъ новаго, о томъ не премину сообщитъ вашему сіятельству. Андрей Сапѣга 15 Февраля 1598 года.

*

*) Какого же? П. Б.

IV. Андрей Сапѣга къ Христофору Радзивиллу.

Я догадался по вашему письму, что Молдавскій посольскій былъ у васъ раньше, чѣмъ дошло мое письмо, и это весьма удивляетъ меня; ибо я тремя днями раньше выслалъ свое письмо, нежели отправилъ этого посла изъ Орши, а о смерти великаго князя Московскаго и о томъ, что происходитъ за границей, я уже три письма послалъ вашему сіятельству и замѣчаю, что вы до сихъ поръ не получили ихъ. Надо, чтобы вы, ваше сіятельство, сдѣлали выговоръ пану Швейковскому или его намѣстнику, чтобы они не задерживали моихъ писемъ къ вашему сіятельству. Какъ я прежде неоднократно писалъ вамъ, такъ доношу и теперь, что великій князь уже подлинно умеръ. Въ Москвѣ теперь великое замѣшательство, особенно по дѣлу объ избраніи великаго князя либо на сороковины, либо въ Сборное Воскресенье. Говорятъ также, что великій князь передъ смертью назвалъ четырехъ претендентовъ, изъ которыхъ слѣдуетъ избрать великаго князя: двухъ родныхъ братьевъ—Федора и Александра Романовичей Никитичей, третьяго Метиславскаго, четвертаго Годунова. Романовичи двоюродные братья великаго князя. Воеводы и думные бояре согласны выбрать одного изъ нихъ, такъ какъ они родственные великому князю; чернь и стрѣльцы сильно стоятъ за Годунова. Поэтому они никакъ не могутъ помириться, между ними великое разногласіе и озлобленіе. Объ этомъ всемъ и объ иномъ я подробно сообщилъ вашему сіятельству въ моемъ первомъ письмѣ, которое, полагаю, вы теперь уже получили. Въ Смоленскѣ шесть воеводъ, чего до сихъ поръ никогда не бывало, людей великая сила, сторожевые вездѣ по погостамъ и тропинкамъ. Я раньше посылалъ письмо къ воеводѣ въ Смоленскъ, но моего посла отправили ни съ чѣмъ; теперь я вторично посылалъ къ этому новому водводѣ Трубецкому, но и онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а только сказалъ, что послалъ мнѣ письмо со своимъ гонцомъ. Къ моему посланному приставили шесть бояръ, которые наблюдали за тѣмъ, чтобы никто не говорилъ съ нимъ, и чтобы онъ въ гостинный дворъ не ходилъ. Ему не позволили даже коня подвести къ водѣ, а сами поили и кормили коня, и его ни на шагъ не отпускали изъ постоялаго двора; не дали ему пробить тамъ и часу и почти въ шею гнали, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе. Я безпрестанно посылаю шпионовъ за границу: одни приходятъ, другіе уходятъ, и если будетъ что новаго, не премину сообщить обо всемъ вашему сіятельству. 23 Февраля 1598 г.

*

V.. Андрей Сапѣга къ Христофору Радзивиллу.

По приказанію вашему я строго слѣдилъ, чтобы въ это время никого чужого не пропускали черезъ границу. Тогда же я получилъ письмо отъ его величества короля, чтобы не пропускать ни купцовъ, ни кого-либо другого, ни своихъ, ни чужихъ, что соблюдаю въ точности. Но я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что вездѣ по окраиннымъ замкамъ пропускаютъ, то есть въ Полоцкѣ, Витебскѣ, въ Мстиславѣ и Домбровѣ. Изъ всѣхъ этихъ городовъ купцы ѣздятъ въ Москву. Сообщая это вашему сіятельству достовѣрно, что и черезъ Романовъ, вашу собственность, проѣзжаютъ купцы, то есть Кіевляне, Случане, Могилевскіе и Копышане, минуя Оршу, только не знаю, по чьему разрѣшенію: пана ли Гладкаго или слуги его, и не знаю, кто ихъ тамъ пропускаетъ, по дружбѣ ли или по иной причинѣ. Дѣйствительно Смоленскъ наполненъ нашими, но ни одинъ изъ нихъ не ѣхалъ черезъ Оршу. Не знаю, откуда всѣ они взялись, вѣроятно, находили себѣ другія дороги; о чемъ узнавъ отъ меня, будетъ ли воля вашего сіятельства предостеречь ихъ письмомъ, чтобы они не пропускали; ибо вижу, что они, не обращая вниманія на письма его величества короля, пропускаютъ. За Ракушаниномъ, который хочетъ проскользнуть въ Москву, согласно предостереженію вашего сіятельства, буду зорко слѣдить. Вы изволите также писать мнѣ, что и на будущемъ Варшавскомъ сеймѣ слѣдовало бы вашему сіятельству раньше другихъ получать отъ меня извѣщенія. Но и тутъ я не виноватъ, а виноваты посланные, если вы не скоро получаете мои письма. Вотъ и недавно я писалъ вашему сіятельству письмо о новостяхъ, отъ 2-го Іюня, и догадываюсь по письму в. с.—ва, что вы его еще не получили, а я послалъ его въ Борисовъ къ пану Швейковскому.

Полагаю, что теперь вы получили это письмо, и сообщаю вамъ, что съ тѣхъ поръ было новаго въ Москвѣ. Еще Годуновъ не выѣхалъ на это сраженіе съ Татарами. Говорятъ, нѣкоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бѣльскій во главѣ ихъ, и Ѳедоръ Никитичъ со своимъ братомъ, и немало другихъ (однако не всѣ) стали совѣтоваться между собой, не желая признать Годунова великимъ княземъ, а хотѣли выбрать нѣкоего Симеона, сына Шугалея, Казанскаго царевича, который живетъ въ Сибири, далеко отъ Москвы; когда же Годуновъ узналъ объ этомъ ихъ рѣшеніи, а въ это время пришло извѣстіе, что Татары идутъ въ ихъ земли, тогда онъ сталъ имъ говорить: Вы совѣтуете избрать великимъ княземъ Казанскаго царевича Симеона, который живетъ далеко въ Сибири, а врагъ уже въ землѣ; пока вы къ тому

дойдете, смотрите, чтобы вы царства не погубили и чтобы язычники не овладѣли имъ. Тогда они, отказавшись отъ того Симеона, просили его, чтобы онъ далъ имъ совѣтъ, какъ защищаться и чтобы назначилъ имъ гетмана.

Онъ самъ предложилъ себя, желая быть ихъ гетманомъ и государемъ. Дѣйствительно 17-го Мая выѣхалъ самъ Годуновъ съ большимъ войскомъ къ рѣкѣ Ока до Коломны, ибо оттуда ожидали Крымскихъ Татаръ вмѣстѣ съ Турками. 15-го Іюня пріѣхалъ въ Оршу самъ Смоленянинъ, Слуцкій мѣщанинъ Петръ Мильникъ, который сказалъ мнѣ, что Татары надъ рѣкой Окой убили 4 тысячи Москвичей, и говорилъ еще, что въ Смоленскъ привезли нѣсколькихъ сильно раненыхъ боярскихъ сыновей, которые были въ этой битвѣ. А о самомъ великомъ князѣ говорятъ, что онъ находится съ войскомъ тамъ же, не далеко отъ рѣки Оки, въ замкѣ Серпуховѣ, и что Русскіе ожидаютъ большого сраженія съ Татарами. Поэтому я послалъ теперь сыщиковъ за границу, чтобы они узнали что-либо новое, и если что случилось, не премину подробно сообщить обо всемъ вашему сіятельству; только прошу васъ, пусть ваши чиновники не задерживаютъ долго при себѣ моихъ писемъ, а пусть отсылаютъ ихъ сейчасъ же вашему сіятельству на сильныхъ коняхъ, а то и теперь панъ Гладкій пишетъ ко мнѣ, что это письмо вашего сіятельства онъ нескоро получилъ, потому что у боярина конь утомился. Затѣмъ вторично свидѣтельствую и пр. Изъ Орши 16 Іюня 1598 г. Нижайшій слуга вашего сіятельства Андрей Сапѣга собственноручно.

P. S. Годуновъ на это сраженіе ѣхалъ еще не коронованный. ибо онъ хотѣлъ короноваться только тогда, когда послужить ихъ государству, хотя Москва упрашивала его короноваться.

*

VI. Письмо Льва Сапѣги къ Яну Замойскому.

Ясновельможный пане канцлеръ и гетманъ коронный! Свидѣтельствую и пр. Недавно панъ староста Оршанскій*), братъ мой, получилъ отъ воеводы Смоленскаго изъ Москвы два письма, одно вслѣдъ за другимъ: въ обоихъ письмахъ онъ извѣщаетъ пана старосту Оршанскаго о коронованіи Бориса Годунова на Московское княжество. Въ одномъ онъ пишетъ, что этотъ новый государь хотѣлъ дать знать о себѣ его величеству, но, зная, что короля нѣтъ въ Польскомъ королевствѣ и въ княжествѣ Литовскомъ. онъ въ настоящее время .... докла-

*) Андрей Сапѣга.

дываетъ, что этотъ ихъ новый государь хочетъ послать къ императору и проситъ выдать пропускъ, чтобы посолъ могъ свободно проходить черезъ земли его величества короля. Не знаю, слѣдуетъ ли ему выдать этотъ пропускъ, такъ какъ онъ еще не доложилъ о себѣ его величеству королю, а для лучшаго соображенія посылаю вамъ копіи обоихъ писемъ воеводы Смоленскаго изъ Москвы. Почти въ то время, когда мы въ Кайдановѣ совѣтывались съ его сіятельствомъ, Виленскимъ воеводою *) о посылкѣ въ Москву по дѣлу о купцѣ вашего сіятельства изъ Замостья, пріѣхалъ Армянинъ вашего сіятельства изъ Москвы въ Кайдановъ, который увѣрялъ, что уже того купца Армянина вашего сіятельства выпустили изъ Москвы; теперь уже эта посылка въ Москву по дѣлу купца вашего сіятельства, вѣроятно, окажется лишнею. О его велиествѣ королѣ у насъ въ Литвѣ ходятъ различныя и неопредѣленныя вѣсти; покорно прошу ваше сіятельство перешлите мнѣ извѣстія о его велиествѣ королѣ и о томъ, что слышно въ Венгріи; постараюсь отблагодарить за это ваше сіятельство.

Затѣмъ остаюсь и пр. Въ Минскѣ, 8 Ноября 1598 г. Преданный слуга Лео Сапѣга.

*

VII. Левъ Сапѣга къ Христофору Радзивиллу.

Какъ только я возвратился сюда въ Могилевъ, то сейчасъ же хотѣлъ освѣдомиться письмомъ о вашемъ здоровьи; но я пріѣхалъ почти въ Сочельникъ, затѣмъ начались торжественные праздники, которые слѣдуетъ посвятить молитвѣ и славѣ Божіей. Поздравляю ваше сіятельство со святымъ и хвалебнымъ Рождествомъ Христовымъ и благодарю Бога за то, что Онъ далъ намъ дожждаться сего праздника въ добромъ здоровьи. Молю Его, что бы съ этимъ новымъ годомъ ваше сіятельство и мы всѣ, слуги ваши, дождались еще много счастливыхъ лѣтъ въ добромъ здоровьи и Божіей, на честь и славу имени Его святого, для блага родины нашей и къ утѣхѣ намъ, слугамъ вашего сіятельства, о чемъ я грѣшный въ недостойныхъ молитвахъ своихъ непрестанно прошу Господа Бога. Извѣстій достовѣрныхъ изъ тѣхъ сторонъ не могу сообщить вашему сіятельству. Староста Оршанскій, братъ мой, далъ мнѣ знать, что писалъ вашему сіятельству, увѣдомляя о томъ, что до него доходятъ такіе слухи, будто бы Бориса Ѳедоровича, великаго князя Московскаго, Москва убила, что повторяютъ и въ другихъ мѣстахъ. Но вижу, что и панъ староста не убѣжденъ въ этомъ. Однако тамъ, вѣроятно, немалое замѣшательство, и купцовъ, какъ изъ своего

*) Христофоромъ Радзивилломъ.

государства, такъ и въ другія государства не пускають. Я все же написалъ къ старостѣ Оршанскому, брату своему, чтобы онъ, разузнавъ обо всемъ, какъ слѣдуетъ, донесъ мнѣ. Получилъ я также отъ ксендза архіепископа Львовскаго¹⁾ изъ Риги письмо, въ которомъ онъ проситъ меня пріѣхать на тамошнюю комиссію, и мнѣ, вѣроятно, придется ѣхать туда тотчасъ же послѣ праздниковъ. Но гдѣ бы я ни былъ, покорно прошу ваше сіятельство присылайте мнѣ вѣсти о моемъ здоровьи и житьѣ-бытьѣ, ибо для меня составляетъ особенное удовольствіе, когда часто могу быть освѣдомленъ о вашемъ добромъ здоровьи. У меня теперь гостятъ князь Ярославъ Головчинскій съ сыномъ и Александръ Ходкевичъ, съ которыми вспоминаемъ о вашемъ сіятельствѣ. Пока примите и пр. Въ Могилевѣ, 28 Декабря (15)98 г. Низжайшій слуга вашего сіятельства Лео Сапѣга.

*

VIII. Левъ Сапѣга въ Христофору Радзивиллу.

Ваше сіятельство! Вы изволите писать мнѣ, чтобы я письмо къ думнымъ боярамъ, припечатавъ своей печатью, отослалъ къ поднамѣстнику подвоеводы вашего сіятельства въ Вильну, чтобы онъ его не медля переслалъ въ Москву. Я полагалъ, что это письмо будетъ снабжено печатами нѣсколькихъ господъ сенаторовъ, а именно ксендза епископа Виленскаго²⁾ и маршала³⁾, какъ я съ нимъ и устно объ этомъ говорилъ, и по этому приготовилъ четыре печати; но и такъ быть можетъ, что это письмо будетъ отъ насъ отъ двоихъ: отъ вашего сіятельства, какъ перваго сенатора и гетмана великаго княжества Литовскаго, а при вашемъ сіятельствѣ отъ меня, канцлера, ибо таково желаніе и приказъ его величества короля. Что же касается того, что удержаніе тѣхъ купцовъ не можетъ служить поводомъ Москвѣ къ нарушенію мира, то по моему это большой поводъ и такой, что не только передъ людьми, а передъ Богомъ она была бы права, еслибы по этому поводу нарушила миръ и подняла войну. Ибо если это ехрессе въ перемирныхъ письмахъ, въ началѣ послы, а потомъ и его величество король изволили обѣщать, что купцамъ можно добровольно торговать, пріѣзжать и уѣзжать безо всякихъ препятствій и задерживанья, то если купцы и ихъ товары задерживаются и добровольно уѣхать имъ совсѣмъ не разрѣшается, это значитъ поступать вопреки обѣщанію и перемирнымъ письмамъ, вслѣдствіе чего и миръ подвергается опасности. Этотъ поводъ *sufficiens*⁴⁾ передъ Богомъ и людьми,

¹⁾ Янъ Дмитрій Соликовскій.

²⁾ Венедиктъ Война.

³⁾ Христофоръ Дорогостайскій.

⁴⁾ Достаточень.

*inferendi justum bellum*¹⁾ противъ его величества короля; ибо, задерживая купцовъ, нарушается данная клятва. Москва ни одного изъ нашихъ купцовъ не задерживала, напротивъ всѣ свободно съ товарами уѣзжаютъ, прѣзжаютъ; одинъ только этотъ Бандзиковичъ, который надѣлалъ долговъ и обязательства на себя въ Москвѣ выдалъ и по этому Москва удержала его товары, и когда мы тамъ были, то люди жаловались на этого Бандзиковича, что онъ тамъ задолжалъ, а факторъ Бандзиковича не хотѣлъ расплатиться съ ними. По этому Москва удержала его товары, по причинѣ его долговъ; но тѣ Московскіе купцы никому не задолжали, никому не выдавали на себя обязательствъ. *Quo jure*, или вѣрнѣе *qua injuria*²⁾ удерживаютъ ихъ? Бандзиковичъ жалуется; никто больше, только онъ одинъ; но слѣдуетъ ли на основаніи его голословной жалобы дѣлать то, что можетъ причинить большое *periculum*³⁾ Рѣчи Посполитой? Есть примѣры языческіе и христіанскіе, что въ такихъ случаяхъ обсуждали и сначала спрашивали о причинѣ. И тутъ слѣдовало бы спросить и узнать, что за причина. почему товары Бандзиковича удержаны? Если невинно, не избѣжать потомъ удержанія купцамъ Московскимъ; не первые они сюда прѣехали и не послѣдніе. Москвѣ приходится сбывать соболь тутъ въ Литвѣ и Польшѣ; если мы запрегнемъ своимъ купцамъ ѣздить туда, то они непременно прѣдутъ къ намъ: соболей долго нельзя держать. Я понесъ тотъ же убытокъ, что и Бандзиковичъ, можетъ быть, даже еще большій, ибо я понесъ убытка на 10 тысячъ золотыхъ черезъ этого Бандзиковича. Онъ не такъ пострадалъ; но я готовъ лучше самъ пострадать, нежели подвергнуть опасности Рѣчь Посполитую. Можетъ быть, отъ этого и не будетъ опасности для отечества, а можетъ быть и будетъ; но сама *equitas*⁴⁾ запрещаетъ на основаніи голословныхъ доказательствъ задерживать невинныхъ; это лишь *equitas*; язычники соблюдаютъ это, какъ же христіанамъ не соблюдать? Но довольно объ этомъ; остатокъ *eventus*⁵⁾ докажетъ, хорошо это или дурно. Я прошу только объ одномъ ваше сіятельство: чтобы самихъ купцовъ не задерживать, если ихъ товары задержаны, ибо въ Москвѣ никого изъ нашихъ купцовъ не задерживали, почему же мы будемъ задерживать ихъ? Если иначе быть не можетъ, пусть идутъ товары за товары, но самихъ-то купцовъ зачѣмъ задерживать? Иначе я и писемъ къ боярамъ не могу припечатать, ибо въ письмѣ къ боярамъ написано, что тутъ

¹⁾ Начать справедливую войну.

²⁾ По какому праву, или, вѣрнѣе, за какую обиду.

³⁾ Опасность.

⁴⁾ Справедливость.

⁵⁾ Происшествія.

купцовъ великаго князя не задерживаютъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ задерживаютъ, и наше письмо не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности.

По дѣлу о привлеченіи Виленскаго воеводы, за неявку его въ Литву для установленія тамъ меліорациі на Красникъ, за чтò вы хотите привлечь его къ суду по совѣту трибунальныхъ судей, которые увѣряютъ, что исходъ дѣла можетъ быть благопріятенъ, — поступайте такъ, какъ вашему сіятельству покажется лучше. Я писалъ вашему сіятельству, что Виленскаго воеводу такъ надо привлечь, чтобы ему не достало уже времени привлечь ваше сіятельство къ этому суду; ибо я замѣчаю, что эти судьи такое значеніе придаютъ судебнымъ издержкамъ, что они готовы присудить къ уплатѣ возможно болѣшихъ суммъ и ваше сіятельство Виленскому воеводѣ, и Виленскаго воеводу вашему сіятельству, а сами будутъ получать судебныя издержки.

Будетъ ли у меня теперь Гонсевскій по собственному желанію, не знаю. Его не было еще. Если будетъ, то я буду помнить о приказаніи вашего сіятельства; теперь ужъ некому вѣрить, а я за него поручиться не смѣю. Примите и пр. Дано въ Лососиной, 21 Августа 1602 г. Сынъ и покорный слуга вашего сіятельства Лео Сапѣга.

(Приписка). Когда я написалъ это письмо вашему сіятельству, староста Велижскій прислалъ мнѣ письмо своего подстаросты, копію съ котораго я посылаю вашему сіятельству. Вы легко поймете по этому письму, куда мѣтитъ Москва и какъ она insolenter*) хочетъ поставить себя въ отношеніи къ намъ. Повѣтому, какъ я уже неоднократно вашему сіятельству писалъ объ этомъ, и теперь пишу и прошу, велите тѣхъ Московскихъ купцовъ добровольно выпустить, чтобы мы со своей стороны не подавали имъ никакого повода къ войнѣ; дай Богъ, чтобы намъ и Господь такъ помогъ (если бъ это впоследствии повело къ чему-либо, чего я весьма не желаю) и чтобы наша невинность обуздывала эту ихъ дерзость. Прошу ваше сіятельство, пусть эти купцы будутъ выпущены на волю; вѣдь вы уже на слова и просьбы мои обѣщали было выпустить ихъ, однако они не выпущены. Мнѣ бы до этого никакого дѣла не было, если бъ оное не сопровождалось важными послѣдствіями.

*

IX. Письмо изъ Москвы къ канцлеру Льву Сапѣгѣ Мартына Андрея и Петра Стадницеихъ.

Ясновельможный пане канцлеръ Литовскій, господиный и другъ нашъ милостивый! Вы поймете злополучныя событія въ этомъ госу-

*) Дерзко.

дарствѣ по тому донесенію, которое мы посылаемъ вамъ, и еще лучше по разсказамъ другихъ освобожденныхъ. Поѣтому, не распространяясь, мы сообщаемъ вамъ только, что мы задержаны тутъ царемъ, а за что, не знаемъ. Поѣтому униженно просимъ вашу милость, чтобы хлопотали за насъ у его величества короля, чтобы насъ скорѣе освободили отсюда; правда, его величество не разрѣшилъ бы выѣхать изъ королевства воеводѣ и тѣмъ, которыхъ онъ бралъ съ собой, и намъ не хотѣлось бы брать съ собой, ибо мы до этого не отваживались на войнѣ и въ чемъ другомъ помогать оному, только послѣ разрѣшенія его величества короля мы позволили забрать насъ, не взявъ ни отъ пана воеводы, ни отъ царя, ни отъ царицы никакихъ денегъ, чего никто и самъ панъ воевода не можетъ сказать; мы на свой счетъ отправились, за что и свободы лишились. Просимъ вторично вашу милость, чтобы, памятуя о *causam nostram* *), Вы не мѣшая довели бы ее до благополучнаго конца, чтобы мы отъ этого не страдали. Обязуемся за это, пока будемъ живы, воздать вашей милости по всякому вашему приказанію своими услугами. Дано изъ Москвы 8 Іюля 1606 г. Вашей милости вѣрные друзья и слуги: Мартинъ Стадницкій, Андрей, Петръ Стадницкій собственноручно.

(Приписка). Мы приѣхали въ городъ Москву въ Пятницу, то есть 12-го Мая; какой былъ пріемъ, не пишу, ибо это къ дѣлу не относится. Покойный не вѣзжалъ, а ждалъ у своей матери въ монастырѣ на низкомъ замкѣ. Тамъ вышла молодая царица, одна только съ женщинами и съ паномъ воеводой. Мы пошли въ гостиницы, каждый въ другую, и очень далеко расположенныя другъ отъ друга. Къ молодой царицѣ и насъ не пустили. Въ Субботу съ большей церемоніей, сидѣвшаго на престолѣ, привѣтствовали мы покойнаго. Братъ нашъ Мартинъ, къ несчастію, ото всѣхъ насъ привѣтствуя, говорилъ рѣчь. Въ Воскресенье насъ принималъ. Такъ тянулись церемоніи до самого Четверга, и принимали посольство черезъ пана Малогоскаго. Въ Четвергъ короновали молодую царицу, утвердили бракъ; все это тянулось еще нѣсколько дней. Пишу вкратцѣ. Въ Субботу очень рано 27 Мая убили царя; какъ и кто, трудно сказать; тѣлохранители убитаго царя бросились на нашихъ; числа убитыхъ не пишу; не защищались, а сдавались. Панъ Самуилъ Бали убитъ; все растащили; въ другомъ мѣстѣ убитъ панъ Патръ Домарадскій старикъ, еще въ другомъ панъ Стрижевскій, панъ Забеевскій, ксендзъ Помаскій съ братомъ; панъ Комаровскій сдался живымъ и его убили; слугъ множество убили и все расхитили. Пана хорунжаго Пшемыцкаго, Тарла, нагимъ, говорятъ,

---

*) О нашемъ дѣлѣ.

оставивъ и одного съ женой, нѣсколько разъ хотѣли убить; жена упала на него и этимъ спасла; ее сильно избили. Бросились на насъ. Мы съ паномъ Мартиномъ были вдвоемъ въ одномъ дворѣ на своемъ посту, защищались; по милости Божіей, никого изъ насъ не убили. У нихъ тоже есть немного убитыхъ; подъ конецъ съ обѣихъ сторонъ выкатились орудія. Господь сжалился; прибѣжали два боярина, стали унимать, а мы и рады были уняться. Только тутъ намъ дали знать, что самъ царь погибъ. Тогда стали осаждать князя Вишневецкаго, нѣсколько часовъ стрѣляли изъ орудій, все у него отняли; онъ здорово защищался подъ конецъ въ одной комнатѣ; тутъ опять прибѣжали бояре и стали унимать. Посла, Сандомірскаго воеводу и Саноцкаго старосту не осаждали; но у воеводы всю конюшенную челядь перебили и лошадей забрали, музыку перебили. Тутъ къ намъ пріѣхалъ князь Дмитрій Шуйскій, братъ теперяшняго царя, увѣряя насъ въ безопасности. Затѣмъ къ вечеру пріѣхалъ самъ князь, котораго теперь избрали въ князья (в.); тотъ утѣшалъ насъ и со слезами обнималъ, обѣщая намъ и безопасность, и свободный проѣздъ; затѣмъ приставилъ къ намъ сто стрѣльцовъ, которые стерегутъ насъ, никуда изъ гостинницы не хотятъ выпустить, къ намъ никого порядочнаго не впускаютъ, и сами не уѣзжаютъ; плохо кормятъ и насъ, и нашихъ лошадей. Итакъ, не бывъ на войнѣ, мы очутились плѣнниками; до сихъ поръ не знаемъ, что съ нами будетъ. Мы просили, чтобы насъ пустили къ послу: не хотятъ, и такъ, гдѣ кто живымъ остался, тамъ его и держать, никуда не выпуская. Другихъ знатныхъ много убито, о чемъ не хочется распространяться; теперь уже челядь высылаютъ, и солдатъ уже выслали. Дай Богъ, чтобы они прямо и цѣлы дошли до границы. Другихъ много убили, однако объ этомъ ничего...*)

---

*) Конецъ утраченъ.